

Больше десяти лет назад в семье Бай ещё жил обычай «стоять на столбах Дхармы».

Суть этого испытания заключалась в следующем: молодые совершенствующиеся сходились в поединке на вершинах десятиметровых столбов. Победителем признавали того, кто умудрялся продержаться на своей опоре в течение часа. Семья Бай из Лочжоу испокон веков считалась столпом китайского мира культиваторов, а потому в дни состязаний на главной площади яблоку негде было упасть. Одни приходили поглазеть на зрелище, другие — попытать удачи. На время испытаний двери поместья распахивались для всех желающих подходящего возраста. Каждый верил, что победа на столбах Дхармы — это верный билет в элиту мира культивации. Разумеется, от одной мысли об этом у юношей и девушек закипала кровь.

В тот год триумфатором стала Бай Чуи. С парой верных клинков она в одиночку одолела толпу соперников. Сражалась она дерзко, легко, упоительно — укладывала противников одного за другим, не зная жалости, и в конце концов заслуженно взяла главный приз.

Разноцветные ленты и оглушительные крики толпы летели к застывшей на высоте девушке.

— Меня тогда ещё и на свете не было, — увлечённо хлопая в ладоши, негромко произнёс стоявший рядом Бай Цзинье. — Но я много слышал об этом дне. Говорят, то состязание собрало больше всего зрителей за всю историю. После этой победы мою тётю признали безоговорочным гением меча. Жаль только, что вскоре после этого традицию упразднили.

В этот момент в воздух на летающем мече поднялся седовласый старейшина рода Бай. Он так и лучился добродушной гордостью.

— Объявляю победительницу нынешних состязаний на столбах Дхармы! — зычно провозгласил старец. — Ею становится Бай Чуи из семьи Бай! Просим нашу героиню подняться за наградой и сказать пару слов... Пойдите, а где Бай Чуи?!

Девушка в белых одеждах, мгновение назад сидевшая на каменном столбе, исчезла без следа. Толпа внизу взревела, забурлила, как потревоженный улей. Бай Чжу и Бай Цзинье, зажатые на самой окраине площади, прекрасно видели, куда делась виновница торжества — она материализовалась прямо подле них.

Бай Чуи торопливо пробиралась прочь. Тёмные, как тончайший шёлк, волосы развевались на ветру, а лицо её, чистое и одухотворённое, казалось воплощением небесной чистоты. Но стоило этой неземной деве открыть рот, как вся магия моментально рассеялась:

— Сказать пару слов? Да пошли они в задницу со своими речами. Нечего мне там распинаться.

Бай Чжу промолчал.

Бай Цзинье тоже лишился дара речи.

Теперь даже дураку стало бы ясно, какое именно представление приготовил для них господин Чжу. Это было прошлое Бай Чуи.

— Значит, мы внутри иллюзии? — Бай Цзинье лениво потянулся и дёрнул за волосы одного из безумствующих фанатов в толпе. — Чертовски осязаемо.

Окружающий мир действительно поражал достоверностью. Несмотря на то, что в этом призрачном пространстве юноши оставались лишь невидимыми со стороны наблюдателями, все звуки, запахи и тактильные ощущения передавались идеально.

Мимо них стремительно пронеслась молодая Бай Чуи. Никакого сходства с тем жутким, изуверным созданием, каким они знали её прежде — сейчас перед ними была цветущая, полная жизни девушка. Бай Чжу скользнул взглядом по её щиколоткам: тонкие, изящные ноги, таящие в себе недюжинную силу. И главное — никакого ножного браслета с серебряными колокольчиками на них не было.

— Старшая сестра Бай!

Оклик прозвучал не слишком громко, но Бай Чуи, увлечённая побегом, ощутимо вздрогнула и едва не рассекла привязавшегося парня встречным взмахом клинка.

Увязавшийся за ней тоже принадлежал к клану Бай. Схватив бедолагу за шиворот, девушка несколькими мгновенными перемещениями утянула его в глухой, тихий переулок подальше от толпы.

— Мелкий, тебе чего? — грозно спросила она, нависнув над ним.

Лицо паренька густо налилось краской:

— Стар... Стар... Стар...

Бай Цзинье с подозрением оглядел парня:

— Он чего так покраснел? Не иначе как объелся стряпней в нашей столовой и отравился. Слушай... а откуда у тебя семечки?

Продукция Системы всегда держала марку. Лениво щёлкая семена, приобретённые в системном магазине, Бай Чжу протянул горсть приятелю:

— Будешь?

Бай Цзинье брезгливо сморщил нос:

— Я не ем сомнительные продукты без маркировки и упаковки.

Тем временем несчастный преследователь наконец-то справился со своим заиканием и выдохнул заветное «старшая сестра». Словно фокусник, он извлёк откуда-то из-за пазухи аккуратную розовую коробочку и, низко склонившись, протянул её девушке:

— Старшая сестра Бай! Меня зовут Бай Цзяо! Я... я... Ты не согласишься стать моей спутницей на пути дао?!

Бай Цзинье деликатно кашлянул и молча протянул раскрытую ладонь к Бай Чжу:

— Ладно, сыпь свои семечки.

Бай Чжу лишь молча закатил глаза.

Хоть большинство членов клана и носили одну фамилию, многие из них были приёмными или учениками со стороны, сменившими имя при вступлении в семью. Кровного родства между ними практически не было, так что браки внутри клана никого не удивляли. Поступок Бай Цзяо был вполне обычным делом.

Юноша зажмурился так крепко, словно ожидал смертного приговора. Не дождавшись ответа, он робко приоткрыл один глаз:

—... Старшая сестра?

Бай Чуи дождалась, пока он посмотрит на неё, и спокойно спросила:

— И что же во мне тебе так нравится?

Бай Цзяо растерялся:

— Ну... Я не знаю, как сказать... Просто нравишься и всё.

В отличие от робкого воздыхателя, девушка излишней скромностью не страдала. Она ответила прямо и жёстко:

— А ты мне — нет.

В переулке повисла мёртвая тишина.

— М-да, припечатала так припечатала, — хмыкнул Бай Цзинье, усердно разгрызая скорлупку.
— Слушай, а семечки-то знатные. Но всё-таки, что нам пытается показать этот парень?
Любовные похождения моей тётушки?

Кто знает? Этот господин Чжу явно страдал какими-то психическими расстройствами. Бай Чжу задумчиво пожевал губами, потянулся за новой порцией семечек, но внезапно его рука замерла на полпути.

— Погоди. Мы здесь не одни.

Едва он договорил, как Бай Чуи тоже что-то почувствовала. Резко развернувшись, она крикнула в пустоту сада:

— Кто здесь?!

В тот же миг её фигура взмыла в воздух. Белоснежные полы одежд взметнулись вверх, парные клинки у неё на поясе с сухим щелчком вылетели из ножен. Рассекая воздух, они оставили в небе яркий неоновый след духовной энергии. Оружие со свистом устремилось к декоративной горке камней.

Грохнул взрыв. Осколки гранита брызнули во все стороны, и из облака пыли вылетело человеческое тело. Описав в воздухе неровную дугу, незнакомец с глухим стуком врезался в ствол старого дерева и сполз на траву.

Человек был закутан в плотный тёмный плащ с капюшоном. Он лежал на земле бесформенной грудой и не подавал признаков жизни. Поглядев на хлынувшую на зелёную траву кровь, Бай Цзяо мгновенно позабыл о своём неудавшемся признании:

— Старшая сестра Бай, вы же его убили!

— Дурак ты, — огрызнулась Бай Чуи. — Где ты видел, чтобы от удара мечом оставались такие раны? Он уже был при смерти, когда приполз сюда и спрятался.

С этими словами она шагнула вперёд и решительным жестом сдёрнула с незнакомца капюшон. В следующее мгновение девушка замерла, поражённая увиденным.

Перед ней лежал невероятно красивый юноша. Его тонкие, аристократичные черты лица портила лишь мертвенная бледность губ, а светлые, отливающие золотом волосы мягко поблескивали в лучах полуденного солнца.

— Надо же, иностранец! — искренне удивился Бай Цзяо.

Бай Чуи медленно протянула руку и кончиками пальцев коснулась щеки незнакомца — осторожно, словно боялась повредить хрупкий фарфор.

— До чего же хорош... — заворожённо прошептала она.

Бай Цзяо только недоумённо захлопал глазами.

Сбежать с собственной церемонии награждения было дерзостью, но на этом Бай Чуи не остановилась. В тот же день она совершила второй безумный поступок: под покровом темноты и при невольном содействии растерянного Бай Цзяо она притащила раненого чужестранца в свои покои.

Бай Чжу и Бай Цзинье, пристроившись в углу комнаты, затаив дыхание наблюдали за происходящим. Бай Чуи без лишних церемоний разорвала на раненом одежду, обработала порезы мазями, а затем безжалостно обшарила тайники второго дяди, Бай Шоу, выгребла оттуда самые ценные эликсиры и без разбору запихала их парню в рот — мало заботясь о том, не отправит ли его такая гремучая смесь на тот свет раньше времени. В довершение всего, едва не разнеся собственную кухню, она сотворила нечто, отдалённо напоминающее угольно-чёрную кашу.

Лишь когда эта сомнительная субстанция была водружена в миске на прикроватную тумбочку, бледный златовласый юноша наконец зашевелился и открыл глаза.

Это были удивительные, прозрачно-зелёные глаза, похожие на чистейший нефрит. Бай Чуи поспешно пригладила растрёпанные волосы, выпрямилась во весь рост и, запинаясь, выдавила из себя единственные известные ей иностранные слова:

— Хай... Ай эм Бай Чуи... Это... как его... Хау ар ю?

Юноша на постели смолк, ошеломлённо глядя на неё.

Бай Цзинье окончательно запутался:

— Что за цирк она устраивает?

Бай Чжу молча всыпал ему в ладонь очередную горсть семечек:

— Не лезь в дела взрослых, малец. Меньше вопросов, больше делом занимайся — грызи давай.

Прежде чем девушка успела окончательно опозориться со своим английским, раненый негромко произнёс:

— Я говорю по-китайски.

Его произношение оказалось на удивление чистым и беглым.

Бай Чуи застыла с открытым ртом.

Этого чужестранца звали Ломо, и он был Мастером созидания.

Если говорить простым языком, Мастера созидания — это культиваторы, наделённые редчайшим даром творить вещи. Артефакты, грозное оружие, сложнейшие марионетки — в их руках любая материя подчинялась воле разума. Некоторые из них преуспели и в медицине, создавая уникальные пилюли и снадобья. Из-за этих уникальных способностей век назад, в эпоху Пробуждения духовной энергии, за Мастерами созидания велась настоящая охота — сильные мира сего делили их между собой как ценнейший ресурс.

Но Ломо не повезло. Он мирно трудился в Ляочэне и в какой-то момент решил устроить себе небольшой отпуск, чтобы полюбоваться бескрайними просторами Китая. Увы, туристическая поездка не задалась: на него напали какие-то тёмные личности, решившие похитить редкого мастера и заставить работать на себя задарма. Ломо, разумеется, батрачить на бандитов не пожелал. Завязалась драка, из которой он едва унёс ноги. Истекая кровью, беглец сумел добраться до поместья семьи Бай и укрыться в их саду.

Он деликатно отодвинул подальше дымящуюся чёрную жижу, которую Бай Чуи настойчиво пыталась в него влить.

— Госпожа Бай, я бесконечно благодарен вам за спасение, — негромко проговорил Ломо. — Но не беспокойтесь: как только мне станет чуть лучше, я сразу уйду. Я не хочу навлекать на вас неприятности.

— Уйдёшь? — Бай Чуи прищурилась и вдруг резко подалась вперёд, почти коснувшись его лица своим лицом.

Ломо растерялся от такой бесцеремонной близости. Глаза стоявшей перед ним девушки сияли лукавством и весёлыми искрами.

— Но ведь я скормила тебе драгоценное зелье, которое мой старик берёт как зеницу ока, — протянула она.

Парень с трудом сглотнул:

— Простите... Я... Я могу изготовить для вас ценные артефакты в уплату долга.

— Да брось, не нужно мне никаких артефактов, — Бай Чуи продолжала разглядывать его с видом прожжённого разбойника, встретившего богатого купца. — Я в детстве зачитывалась книжками с картинками. Ты точь-в-точь как те прекрасные принцы со страниц сказок.

Ломо лишился дара речи.

— Характер у меня простой: если мне кто-то нравится — я так и говорю, а если нет — не стану и общаться, — откровенно продолжала девушка. — Красотой меня природа не обделила, драться я умею отменно, а вот во всём остальном я полный профан. Знаешь ли, я впервые в жизни кого-то лечила. И эту кашу тоже сварила впервые. Так что...

Она сделала эффектную паузу.

— За эликсир платить не нужно. Давай ты просто выйдешь за меня?

Ломо опешил:

— Госпожа Бай... мужчинам не предлагают «выйти замуж».

— Ладно, тогда я сама на тебе женюсь.

Юноша окончательно потерял дар речи.

— И всё-таки, ты уверен, что не хочешь подумать над моим предложением? — бодро вопрошала Бай Чуи, катая Ломо по внутреннему дворику на инвалидной коляске, которую раздобыла непонятно где.

За прошедшие несколько дней она успела предложить ему руку и сердце добрый десяток раз. И всякий раз при этих словах щёки Ломо неизбежно заливал румянец.

— Госпожа Бай, вашего отца сейчас нет в поместье... — тихо попытался воззвать к здравому смыслу юноша.

— При чём тут вообще мой старик? — искренне изумилась она.

— Но разве у вас, в Китае, браки не заключаются исключительно по воле родителей и через сваху?

Коляска резко замерла. Бай Чуи обошла её, заглянула Ломо в лицо и покачала головой:

— И где ты только набрался этой чепухи? Сто лет как устарело! Сейчас у нас свобода выбора и чувств.

— В театральных пьесах так говорили... — смущённо признался Ломо.

Губы Бай Чуи дрогнули в усмешке:

— В пьесах? Серьёзно?

— Да. Когда я работал в Лячэне, там раньше часто ставили уличные подмостки. Мелодии были необыкновенными, я часто ходил их слушать и многому научился. Но со временем это искусство стало забываться, и старые сцены просто разобрали.

На лице Ломо отразилась искренняя печаль. Он негромко напел короткий, удивительно певучий мотив:

— Вот эта ария — моя самая любимая. Говорят, она родилась ещё до Пробуждения духовной энергии. Называется «Лян-Чжу». Только финал у этой истории слишком уж грустный. Я такое не люблю.

От скуки и долгого безделья они много разговаривали. Ломо увлечённо рассказывал ей о лячэньских театрах, о величественных горах, чистых реках и тамошних нравах. За это время Бай Цзяо несколько раз приносил им лечебные отвары, после чего неизменно уходил, размазывая по лицу горькие слёзы безответной любви.

Бай Чуи бесшумно взлетела на ветку старого раскидистого дерева в саду. Устроившись поудобнее, она согнула одну ногу в колене, а другую свесила вниз, беззаботно покачивая ею. Подол её платья приподнялся, обнажая безупречно белую, изящную щиколотку. Ломо случайно поднял взгляд и тут же густо покраснел до самых кончиков ушей.

— Я ведь даже не завожу сегодня разговор о свадьбе, — весело хмыкнула сверху девушка, заметив его замешательство. — До чего же ты застенчивый!

Ломо в ответ лишь молча закрыл лицо руками.

Она откинулась на ствол дерева и устремила задумчивый взор вдаль. Ветер мягко трепал её длинные волосы.

— Твои рассказы действительно за душу берут. Вот достигну сферы Пован — и обязательно отправлюсь в Ляочэн, погляжу на всё своими глазами.

— Зачем ждать достижения сферы Пован? — удивился Ломо. — Если у тебя есть время, мы могли бы поехать прямо сейчас.

— Всё из-за одного ненормального шарлатана, — вздохнула Бай Чуи. — У нашей семьи есть проход во Второе измерение. Любопытство у меня всегда бежало впереди разума, так что в один прекрасный день я не выдержала и проскользнула туда сквозь запертые двери. Честно говоря, ничего особенного там не нашлось — кроме одного древнего меча. Зато там мне повстречался какой-то бродячий провидец. Он уверял, будто равен самим богам в искусстве предсказаний, и буквально силой навязал мне гадание.

— И что же он предсказал? — поинтересовался Ломо.

— Сказал, что мне ни в коем случае нельзя покидать стены родного поместья, пока я не совершу прорыв в сферу Пован, — безразличным тоном, словно речь шла о погоде, ответила Бай Чуи. — «Выше сферы Пован — жизнь и смерть разделятся поровну. Ниже — верная гибель без единого шанса на спасение».

— Звучит жутковато, правда? — заметив, как напрягся Ломо, рассмеялась она. — Но мало того, что этот негодяй напугал меня — он ещё и к моему отцу припёрся. Обобрал старика на целую сотню духовных камней за это пророчество! С тех пор меня посадили под домашний арест. Хотя, признаться, я частенько сбегала погулять, правда, дальше Лочжоу носа не совала.

Ломо шумно вздохнул:

— И тебе совсем не было страшно?

— Да с какой стати?! — сердито фыркнула Бай Чуи и в сердцах стукнула кулаком по стволу, отчего на них посыпался целый дождь из листьев. — Это я потом уже выяснила, что тот прохиндей — небезызвестный Му Сяо из Лиги культиваторов Китая. О его «божественной точности» легенды ходят: всё, что он предсказывает, сбывается ровно наоборот! А сам вырядился прилично и развёл моего доверчивого отца на сотню камней!

Ломо лишь покачал головой.

— Даже если солнце начнёт всходить на западе и это пророчество каким-то чудом окажется правдой, я всё равно не останусь гнить в этом гнезде до конца своих дней, — твёрдо закончила Бай Чуи.

На лице Ломо отразилась тень непонимания:

— Но почему? Разве спокойная, безопасная жизнь — это плохо?

За время, проведённое в Ляочэне, он видел сотни людей, которые никогда не покидали родных стен, находя истинное счастье в тихой повседневности.

С тихим звоном парные клинки взмыли в воздух прямо из пустоты. Бай Чуи легко оттолкнулась от ветки и скользнула вниз. Зелёные глаза Ломо удивлённо расширились, когда сияющая, полная безудержной энергии девушка приземлилась прямо перед ним и протянула ему руку.

В следующее мгновение мир вокруг него перевернулся. Земля ушла из-под ног, и он обнаружил, что стоит на парящем в воздухе лезвии меча. Бай Чуи крепко сжала его ладонь. Ломо в растерянности замер, не зная, куда деть свободную руку, но в этот момент над ухом прозвучал её весёлый голос:

— Держись крепче!

Меч свечой ушёл в небо. Вокруг них с шипением рассыпались искры духовной энергии, со свистом взбивая облака. За несколько секунд очертания поместья Бай, контуры Лочжоу и весь привычный человеческий мир внизу сжались до размеров крошечной, едва различимой точки. В ушах бешено выл ветер. Ломо с трудом разомкнул веки. Они с Бай Чуи балансировали на узкой, как бритва, полоске стали посреди бушующего океана облаков, словно утлая лодочка на гребне штормовой волны.

Рядом с ним стояла девушка. Её длинные чёрные волосы безумно развевались на ветру, а в правой руке хищно поблескивал второй клинок. Бай Чуи не оборачивалась, её взгляд был устремлен вперёд, в бескрайнюю синеву:

— Все люди разные, Ломо! Кто-то мечтает о тихом уголке, а кто-то готов сделать своим домом весь мир. Я не собираюсь вечно прятаться под крылом своей семьи! Всё, чего я жажду — это ветер под моими ногами, свобода идти туда, куда влечёт сердце, и сила крушить любые преграды на своём пути!

Она слегка развернула корпус и перехватила рукоять обеими руками. Из-за её плеча Ломо видел лишь точёный профиль и дерзкую, упоительную улыбку, заигравшую на губах среди летящих прядей волос.

Бай Чуи замахнулась и нанесла сокрушительный удар наотмашь, рассекая пустоту неба.

В то же мгновение небесный свод словно раскололся надвое. Плотная пелена облаков перед ними со свистом и грохотом хлынула в стороны, послушная воле стального лезвия, открывая чистый, глубокий провал до самого горизонта. Потoki ослепительного солнечного света хлынули вниз сквозь эту брешь. Весь мир вокруг преобразился. Облитая золотым сиянием фигура Бай Чуи навсегда отпечаталась в памяти Ломо. Над их головами миллионы искрящихся лучей пробili вековую мглу, возвращая тепло и свет пострадавшей земле.

Это был удар, разверзший небеса.

<http://bllate.org/book/19968/2001363>